

Р. И. Давлетбаев, зам. начальника турбинного цеха № 2 Чернобыльской АЭС.

В жизни каждого человека бывают периоды максимальной деловой и творческой активности, когда работа - это не только средство к существованию и источник материальных благ, а созидательный труд, приносящий высшее удовлетворение, когда дела, пусть с большим трудом, но «идут в гору», когда повышение в должности - это не только удовлетворение честолюбия или тщеславия, а следующий рубеж для освоения нового оборудования - работа с использованием знаний, опыта, образования и известного интеллектуального потенциала.

Для меня такой период пришелся на 1976-1986 годы, когда после окончания Московского энергетического института, будучи молодым специалистом, я приехал на Чернобыльскую АЭС и отработал там 10 лет, начиная с монтажа и пуско-наладки I энергоблока и кончая освоением и эксплуатацией IV энергоблока до момента аварии 26 апреля 1986 г. За этот период я работал на различных должностях: машинистом-обходчиком, старшим инженером управления турбинами, блоком, заместителем начальника смены станции, заместителем начальника турбинного цеха по эксплуатации, окончил курсы повышения квалификации в Обнинском филиале МИФИ, поэтому работу АЭС и Чернобыльской, в частности, знаю достаточно хорошо как с точки зрения технолога, так и в других аспектах ее деятельности,

Это было передовое энергетическое предприятие с хорошими производственными и экономическими показателями, укомплектованное квалифицированными специалистами. Почему же авария случилась именно на Чернобыльской АЭС, которая по уровню монтажа, наладки и эксплуатации была одной из передовых в отрасли? Я думаю, что все наши атомные станции с различным интервалом «приближались к подобной аварии. Чернобыльская АЭС «подошла к ней первой.

Авария на IV энергоблоке меня застала буквально находящимся в помещении блочного щита управления IV энергоблока. Я изложил события, касающиеся в основном действий оперативного персонала турбинного цеха, руководителем которого я являлся и разделил с работниками своего цеха тяготы по выполнению работ, проделанных за эту ночь, и несчастья в результате переоблучения, полученного в течение нескольких часов работы по ликвидации последствий аварии. Описывая действия тех или иных людей, с которыми пришлось иметь дело, я старался воздерживаться от личных оценок их действий, чтобы избежать субъективности, и ограничился повествованием событий, касающихся аварии в пределах машинного зала и действий персонала турбинного цеха.

24 апреля 1986 г, отработав день и вечер по обычно заведенному распорядку рабочего дня, не отправляясь домой, я остался в ночь с 24 на 25 апреля как технический руководитель турбинного цеха для выполнения работ по проверке состояния турбины и ее систем, выполняемых перед каждым капитальным ремонтом в соответствии с Правилами технической эксплуатации (ПТЭ) (в частности, производилась проверка на плотность органов парораспределения, их расхаживание, снятие характеристик системы регулирования и т. д.) Прежде чем выполнять эти работы, Чернобыльское

пусконаладочное предприятие совместно с турбинным и реакторным цехами разработали график разгрузки блока. Цель разработки графика состояла в том, чтобы дать возможность нагружать и разгружать турбогенераторы № 7 и № 8 (ТГ-7,8) при снятии их мощностных характеристик, не снижая мощность реактора ниже 50%, т. е. планировалось снижение мощности реактора на 50%. В этих условиях предстояло перераспределением мощности нагрузить и разгрузить попеременно ТГ-7,8 с целью снятия характеристик, остановить ТГ-7, затем ступенчато разгрузить блок с единственно работающим ТГ-8, снять вибрационные характеристики ТГ-8 и остановить ТГ-8.

Для испытания возможности использования кинетической энергии выбега вращающегося ТГ-8 после прекращения подачи пара на турбину была разработана программа совместно предприятием Донтехэнерго, электроцехом, реакторным цехом и черновыльской пусконаладочной бригадой «Смоленскатомэнергоналадка». Суть программы состояла в том, чтобы убедиться, что при обесточивании энергоблока и потере электроснабжения собственных нужд в первые 15-20 секунд генератор продолжит подачу электроэнергии для питания механизмов, обеспечивающих теплосъем из активной зоны реактора до момента разворота и включения автономной дизель-электростанции, и при положительном результате ввести эту схему в эксплуатацию как одну из подсистем защиты блока. Необходимость выполнения этих работ была продиктована не стремлением руководства Чернобыльской АЭС или других проектных и наладочных организаций Минэнерго проводить эксперименты на действующем энергоблоке, а необходимостью ввести в работу одну из подсистем безопасности АЭС, предусмотренную проектом, как того требовали действующие правила и нормы в ядерной энергетике. Это был не эксперимент, а испытание защиты перед ее вводом. Вводу этой подсистемы защиты до сих пор препятствовало то, что не была закончена наладка и введение в работу блока выбега в системе возбуждения генератора, предназначенного для поддержания возбуждения обмотки ротора генератора в режиме электродинамического торможения под нагрузкой. Эти испытания на Чернобыльской АЭС ранее уже выполнялись, но отказывал блок выбега. Испытания турбогенератора по обеспечению собственных нужд блока в режиме выбега в ночь на 26 апреля 1986 г закончились успешно, и причины аварии на блоке заключались не в этих испытаниях.

К утру 25 апреля работы по ТГ-7 были закончены, после чего он был отключен от сети. По ТГ-8 оставалось выполнить замеры вибрации в процессе его разгрузки и отключить его от сети. Особенно тщательно предстояло измерить вибрацию подшипника № 12 ТГ-8.

Необходимость выполнения этих замеров была вызвана тем, что Ленинградский завод «Электросила» при конструировании и изготовлении генераторов для IV блока ЧАЭС реализовал идею совмещения конструкции корпуса подшипника и аварийного бачка для маслоснабжения подшипников генератора при аварийном перерыве подачи масла. После пуска блока выявился серьезный конструкционный недостаток: подшипник работал с повышенной виброскоростью. Несмотря на применение различных известных на ЧАЭС и предприятии «Львовэнергоремонт» мер, уменьшить вибрацию до величин, допускаемых ГОСТ, не удалось. Завод-изготовитель «Электросила», представителей которого неоднократно вызывали на ЧАЭС для устранения недоработок подшипника (брака, если называть вещи своими именами), своих специалистов так и не прислал, конкретные меры заводом тоже не были предложены. Между тем вибрация привела к усталостной трещине сварки маслопровода подшипника, в результате чего появилась пожароопасная течь масла, временно ликвидированная работниками цеха.

Столь подробное описание ситуации с подшипниками генераторов ТГ-7, ТН-8 привожу для того, чтобы стало понятно, почему ЧАЭС была вынуждена обратиться к специалистам Харьковского турбинного завода (ХТЗ), которые выразили готовность не только провести замер вибрации турбин, но и с помощью самой совершенной вибродиагностической аппаратуры, установленной в передвижной лаборатории на базе автомобиля, провести тщательные замеры вибрационных параметров подшипника генератора ТГ-8. Автомобиль с лабораторией в ночь на 26 апреля находился на торце машинного зала отм. 0,0 в ячейке ТГ-8. Я возлагал большие надежды на специалистов ХТЗ, так как аппаратура лаборатории позволяла диагностику, обработку данных и выдачу рекомендаций по балансировке. Позже, в результате лучевых поражений два сотрудника ХТЗ скончались, третий, Кабанов Александр, переболев острой лучевой болезнью, вернулся работать в конструкторское бюро завода. Вибродиагностическая лаборатория с дорогим уникальным электронным оборудованием в результате воздействия мощного радиоактивного излучения вышла из строя.

Вернемся к утру 25 апреля 1986 г. Дежурный диспетчер Киевэнерго запретил разгрузку и останов ТГ-8 по состоянию энергосистемы, и я днем уехал домой отдохнуть. Не спалось, после полудня я позвонил начальнику смены Валерию Трибуну и, получив сообщение, что разгрузка будет разрешена вечером, вернулся на IV блок к 16 ч. С разрешения диспетчера была продолжена разгрузка блока. В процессе разгрузки ТГ-8 при значениях мощности 500, 400, 300, 200, 100 и 0 МВт проводился автоматизированный замер вибрации, и к полуночи с 25 на 26 апреля работы, запланированные турбинным цехом, были закончены.

Программа предстоящего испытания, выполняемого на ЧАЭС не первый раз, мне была знакома в части работы турбинного оборудования и представляла разгрузку турбины до 50 МВт и закрытие подачи пара на турбину, т. е. обычные штатные операции, и участие руководства турбинного цеха в них не требовалось.

Я собрался было уехать отдыхать домой, но, посоветовавшись с представителями пусконаладочной бригады, решил отдельно автобус на себя одного не заказывать, а дождаться окончания испытаний генератора и вместе с наладчиками уехать в одном автобусе. Представители ХТЗ отправились в машинный зал в лабораторию, я сел на БЩУ-4 писать сменные задания персоналу турбинного цеха на вывод в ремонт оборудования после предстоящей остановки блока. Однако выполнение испытания было опять задержано, так как произошло снижение мощности реактора (мне это было видно по мегаватметру ТГ-8). Старший инженер управления турбинами Игорь Киришенбаум был вынужден снизить мощность турбины до значения, близкого к значению холостого хода (около 3—5 МВт). Поскольку это происходило в моем присутствии, я ему посоветовал внимательно контролировать два параметра: 1) в случае снижения давления в барабанах-сепараторах разгружать ТГ-8, но моторного режима генератора не допускать; 2) если же, тем не менее, будет дальнейшее снижение давления в барабанах-сепараторах, и моторный режим продлится более 2 мин, отключить ТГ-8.

Сам я подошел к заместителю главного инженера Анатолию Степановичу Дятлову и сообщил ему, что если снизится паропроизводительность до моторного режима турбины, то мы отключим ТГ-8. Дятлов кивнул мне на скопление людей у пульта старшего инженера управления реактором (СИУР) Леонида Топтунова (умер от лучевой болезни в мае 1986 г.) и сказал, что сейчас мощность реактора поднимут. Я вернулся к пульта управления турбинами. Действительно, давление в барабанах-сепараторах провалено не

было, а мощность повысилась через некоторое время до 50—60 МВт на ТГ-8. Начальник смены IV блока Александр Федорович Акимов (умер от лучевой болезни в мае 1986 г.) подошел к каждому оператору, в том числе кратко проинструктировал старшего инженера управления турбинами Игоря Киршенбаума о том, что по команде о начале испытания ему следует закрыть пар на турбине № 8. Затем Акимов запросил операторов о готовности, после чего представитель испытаний от предприятия «Донтехэнерго» Метленко скомандовал: «Внимание, осциллограф» пуск».

По этой команде Киршенбаум закрыл стопорные клапаны турбины, я стоял рядом с ним и наблюдал по тахометру за оборотами ТГ-8. Как и следовало ожидать, обороты быстро падали за счет электродинамического торможения генератора. (Я описываю только события, касающиеся турбинного цеха, на котором было сосредоточено мое внимание, хотя оперативные действия выполнялись в основном по блочному оборудованию). Когда обороты турбогенератора снизились до значения, предусмотренного программой испытаний, генератор развозбудился, т. е. блок выбега отработал правильно, прозвучала команда начальника смены блока Акимова заглушить реактор, что и было выполнено оператором блочного щита управления.

Однако, как впоследствии выяснилось, несмотря на начавшееся движение вниз поглощающих стержней, произошел неконтролируемый разгон реактора. Через некоторое время (сколько секунд прошло - не запомнил) послышался гул. Работая на АЭС на разных должностях, я не раз оказывался в различных нештатных ситуациях, в том числе и сопровождающихся сильными шумами. Но этот гул был совершенно незнакомо характера, очень низкого тона, похожий на стон человека. О подобных эффектах рассказывают обычно очевидцы землетрясений и вулканических извержений. Сильно шатнуло пол и стены, с потолка посыпалась пыль и мелкая крошка, потухло люминесцентное освещение, установилась полутьма, горело только аварийное освещение, затем сразу же раздался глухой удар, сопровождавшийся громopodobными раскатами. Освещение появилось вновь, все находившиеся на БЩУ-4 были на месте, операторы окриками, пересиливая шум, обращались друг к другу, пытаясь выяснить, что же произошло, что случилось.

Дятлов, находившийся в это время между столом начальника смены блока и панелями систем безопасности, громко скомандовал: "Расхолаживаться с аварийной скоростью!" Первое, что пришло мне в голову, это мысль, что взорвался деаэратор, находящийся над БЩУ-4, однако, осмотрев самописцы уровней и давления в деаэраторах, я понял, что дело не в них. Это меня несколько успокоило, потому что к этому моменту основное оборудование турбинного цеха было уже отключено и опасений, как будто, не вызвало. И напрасно, В этот момент на БЩУ-4 вбежал машинист паровой турбины (МПТ) Вячеслав Бражник (умер от лучевой болезни в 6-й клинической больнице в мае 1986 г.) и громко крикнул: «В машзале пожар, вызывайте пожарную машину», и тут же без дальнейших объяснений убежал обратно в машзал. За ним побежал я и сразу же у входа в машзал увидел свисающие куски железобетона и обрывки металлоконструкций. Держась ближе к стене, я вышел на площадку отметки +12,0 ТГ-8.

Вот что я увидел. Кровля над турбиной № 7, а также по ряду "Б" над питательной системой, над шкафами электрических сборок арматуры ТГ-7, над помещением старшего машиниста была местами проломлена и обрушена. Часть ферм свисала, одна из них на моих глазах упала на цилиндр низкого давления ТГ-7, Откуда-то сверху доносился шум истечения пара, хотя в проломы кровли не было видно ни пара, ни дыма, ни огня, а видны

были ясные светящиеся звезды в ночном небе. Внутри машинного зала на различных отметках возникли завалы, состоящие из разрушенных металлоконструкций, обрывков кровельного покрытия и железобетона. Из-под завалов шел дым. Наиболее крупный завал образовался на цилиндрах и по бортам седьмой турбины. В окнах машзала по ряду «А» выбило много окон, стекла высыпались на проходы отм. +12; 0.0. Потолочное освещение в ячейке ТГ-7 не горело. Из раскрытого от повреждения фланца на всасывающем трубопроводе питательного насоса 4ПН-2 била мощная струя горячей воды и пара, доходящая до стены конденсатоочистки. Сквозь клубы пара были видны сильные всполохи огня на площадке питательных насосов отм. +5.0, причем красные цвета перемежались с фиолетовыми. Что там горело, я рассмотреть не смог, приблизиться близко к струе было невозможно — обдавало горячим паром. От всех завалов, в том числе от маслосистемы смазки и регулирования, от цилиндра высокого давления, от частично заваленного главного маслблока вверх шел дым. Других открытых крупных очагов пожара на отм, +12 не было, однако, судя по задымлению, что-то горело на пластике по ряду «Б» отм, + 12 ТГ-7 и по-прежнему сильно беспокоило горение на отм. +5.0 питательной системы. В машзале на отм. +12 в этот момент никого не было, возможно, все были на нижних отметках.

Несмотря на крайнюю тяжесть создавшейся ситуации, она вписывалась в рамки тех аварий, которые потенциально могли возникнуть в машинных залах АЭС, Действия персонала по принятию самых необходимых мер были расписаны в противоаварийных инструкциях турбинного цеха, отрабатывались регулярно в противоаварийных тренировках и поэтому авария в машинном зале не застала нас врасплох. Забежав обратно на БЩУ-4, я дал распоряжение Киршенбауму переносным ключом, висящим на панели, открыть задвижки аварийного слива масла из главного маслбака ТГ-7 в специальную подземную емкость. Убедившись в выполнении этой операции на моих глазах (операция эта неординарная, ответственная, но в данный момент необходимая), выбежал обратно в машинный зал.

Время событий не указываю, так как чувство времени было потеряно — ночь пролетела как пять минут. Последовательность событий в основном соблюдена, но какие-то незначительные перестановки их по порядку следования возможны, так как практически все четыре часа после взрыва был на бегу, и все делалось в спешке.

Итак, после выхода из БЩУ-4 я застал на отм, +12 начальника смены турбинного цеха (НСТЦ) Германа Викторовича Бусыгина (умер от последствий острой лучевой болезни в 1993 г.). Буквально загибая пальцы на руках, мы перебрали, кто находился на смене и кого он видел после обрушений. Вместе с подошедшим старшим машинистом (СМЦ) Константином Григорьевичем Перчуком (умер от острой лучевой болезни в 1986г.) и машинистом паровых турбин ТГ-8 Юрием Владимировичем Корнеевым удалось выяснить, что под завалами никто не остался, травм и увечий нет. Остальных работников турбинного цеха смены я в эту ночь не видел и встретил их уже в медико-санитарной части в Припяти. На рабочих местах машинисты и обходчики выполняли работы в соответствии со сложившимися обстоятельствами, не дожидаясь команд из БЩУ. Машинисты-обходчики Юрий Вершинин, Александр Новик и Андрей Тормозин проникли через затопленные горячей водой помещения маслосистем питательных насосов и отключили их для исключения развития пожара на площадке питательных насосов. Тормозин перенес тяжелую форму острой лучевой болезни, однако, благодаря квалифицированному лечению, оказанному в специализированном отделении при

клинической больнице № 6, возглавляемом доктором медицинских наук профессором А. К. Гуськовой, тяжесть последствий болезни была снижена до уровня, доступного современной медицине. Встречаю его часто, так как живем с ним соседями в одном доме. По-прежнему словоохотлив, улыбчив и доброжелателен. Вдвоем с женой Ниной воспитывают двоих прелестных девочек. Вершинина и Новика, несмотря на усилия врачей, спасти не удалось, так как они получили обширные ожоги и абсолютно летальную дозу облучения.

Вернемся в ночь аварии. На отм. +12 между ТГ-7 и ТГ-8 мною были выданы следующие распоряжения; Герману Бусыгину — предупредить персонал о недопустимости нахождения в зоне залов и в местах возможных падений свисающих металлоконструкций, включить в действие спринкерную систему пожаротушения маслосистемы ТГ-7; Юрию Корнееву - произвести аварийное вытеснение водорода из генератора № 8; Константину Перчуку - проверить слив масла ТГ-7 в аварийную емкость. В сущности, команду на пожаротушение главного маслобака ТГ-7 мог бы и не давать, так как Бражник и без моей команды к этому времени открывал задвижку пожаротушения. Огонь на отм. +5.0 прекратился - это результат действий обходчиков А. Новика и Ю. Вершинина, Детально побеседовать с ними в больницах Припяти и Москвы я уже не успел. Через некоторое время на отм. + 12 появился пожарник в спецобмундировании. Позже в беседах с пожарниками удалось выяснить, что это был лейтенант Владимир Правик, Бусыгин доложил ему о мерах, принятых по тушению возгораний, после чего пожарник покинул машинный зал. Для осмотра состояния других участков машинного зала я прошел вдоль ряда «А» отм. +12 в районе «передка» ТГ-7 в доступных для прохода местах. В районе стойки манометров системы регулирования фонтаном вверх било масло из поврежденной трубки. Чтобы остановить маслосос аварийной кнопкой, я побежал вниз. К сожалению, аварийные комплекты с портативными радиостанциями и комплекты изолирующих противогазов, предназначенные специально для подобных случаев, оказались недоступными для использования из-за завала входа в помещение старшего машиниста. Сбегая по лестнице вниз, увидел, как из разрушившегося фланца дренажного маслопровода диаметром 200 мм из отм. +5.0 выливалась широкая струя масла и растекалась по отм. 0.0, поток бежал вдоль конденсатного насоса I подъема и сливался в подвал. На площадке маслосистемы ТГ-7 тоже были небольшие завалы, но к аварийной кнопке подойти не удалось, так как было скользко из-за разлитого масла, и мешали обломки, было много пыли и дыма, освещения не хватало, Я раскатал пожарный рукав, бросил ствол на пол и, связавшись с БЩУ-4 из телефонной будки, дал распоряжение Киришенбауму дистанционно отключить маслосос смазки. Затем я предупредил начальника смены блока Акимова, что по моему указанию машинист Юрий Корнеев вытесняет водород из генератора ТГ-8. Акимов ответил, что информацию понял и сообщит об этом электрикам.

Выполнив на бегу осмотр нижних отметок ТГ-7 и 8 и никого на пути не встретив, я забежал в автолабораторию Харьковского турбинного завода. Дверь была заперта, открыл ее один из работников завода и спросил, что случилось на станции. Ответив, что не знаю, я потребовал их ухода на I очередь ЧАЭС. Не помню точно его ответа, но смысл заключался в том, что условия в лаборатории лучше, чем где-либо (свет, кондиционер, шумоизоляция), возможно, они не хотели покидать вверенное им оборудование (это было уникальное зарубежное оборудование на базе автомобиля «Мерседес-Бенц»), не знаю. Позже, из разговора с наладчиками я узнал, что они к этому времени уже предприняли

выход из машинного зала за стену деаэрационной этажерки, осмотрели развал реактора (на уровне земли у ворот) и вернулись в машинный зал. Видимо поэтому, несмотря на то, что харьковчане покинули машинный зал гораздо раньше Бусыгина и Корнеева, двое из них получили летальную дозу и умерли.

Вернувшись на БЩУ, я увидел всех операторов на месте, тут же находился дозиметрист. Хочу сообщить, что начальника смены дозиметрической службы я видел и в машинном зале, где он потребовал от меня отгородить завалы и удалиться из зоны ТГ-7. Заграждения и плакаты мы не выставили, так как на это требовалось время и люди, в первую очередь необходимо было принять меры против пожара.

На БЩУ-4 я спросил у дозиметриста, какая мощность дозы излучения (к этому времени было ясно, что произошла какая-то авария в реакторном отделении, одновременно с этим появилось постоянное чувство тревоги за радиационную обстановку). Дозиметрист приблизился ко мне и сообщил, что от меня зашкаливает прибор, и мне необходимо переодеться. На мои дальнейшие расспросы он ответил: «На БЩУ оперативном, где мы стоим, мощность дозы 500 мкР/с, на неоперативном 1000 мкР/с, в машинном зале тоже 1000 мкР/с. По профессиональной привычке мгновенно оценил часовую дозу 3,6 бэр, стало быть 10 бэр (разрешенная аварийная доза) может быть выбрана за 3 часа. Дозу в 10 бэр, оправданную в случаях, требующих выполнения работ, предотвращающих аварию на АЭС, по Правилам радиационной безопасности необходимо было согласовать с директором или главным инженером АЭС. У меня на это согласование не было времени, ни возможности, покинуть машинный зал в этой ситуации я не мог. Когда я находился уже в больнице, мне сообщили, что 1000 мкР/с — это предел измерения прибора, фактические дозы были в сотни раз выше.

Позже я анализировал, почему летальную дозу получили машинисты и обходчики, которые по времени провели на IV блоке (и в машзале в частности) времени меньше, чем те, которые были там дольше и остались живы, хотя и перенесли лучевую болезнь различной степени тяжести. Более поздняя информация дозиметрической разведки установила большую неравномерность мощностей доз гамма-излучения по машзалу. Очевидна, основную дозу облучения погибшие машинисты Бражник и Перчук получили во время выполнения работ по ручному открытию двух задвижек аварийного слива масла из главного маслоблока турбины. (По команде из БЩУ эти задвижки не открылись, так как произошло повреждение питающего электропривод кабеля). Как мне сообщил позже назначенный главным инженером ЧАЭС Николай Александрович Штейнберг, при дозиметрической разведке, проведенной в бронетехнике с применением коллиматора, им удалось обнаружить мощный источник гамма-излучения на токопроводах, примыкающих к машинному залу на световом дворе. Им оказалась тепловыделяющая сборка с ядерным топливом, выброшенная из активной зоны реактора. Это буквально в нескольких метрах от тех задвижек, которые открывали машинисты, а мощность дозы от горячей сборки составляет десятки тысяч рентген в час.

Дозиметрист настоятельно требовал от меня сменить одежду. Я ее сменил, когда спустился из теплофикационной установки. Из I очереди позвонил начальник смены турбинного цеха Павел Егоров и спросил, не требуется ли помощь. Хотя я ответил отрицательно, тем не менее прибыла небольшая группа турбинистов во главе с машинистом турбины Сергеем Владимировичем Акулининым. Предложенная ими помощь не потребовалась, и они вернулись на рабочие места. Я коротко переговорил с машинистом береговой насосной станции. Она сообщила, что здание береговой

сотряслось, окна выбиты, оборудование все в работе, спросила: «Что мне теперь делать?» Хотя в ее голосе и чувствовалась сильная тревога, но признаков паники не было. Я сказал ей, чтобы она пока находилась в комнате машиниста и не выходила из здания.

Меня все не покидала тревожная мысль: если обломки, выпавшие через провал кровли, дымятся, значит где-то есть очаг крупного пожара? В машинном зале дышать было трудно, в воздухе было много пыли, воздух влажный, язык и горло пересохли, пахло озоном. Сказывалась и физическая усталость, ведь это были уже третьи сутки работы без сна и полноценного отдыха. В связи с появлением запаха озона я сделал для себя вывод, который казался тогда очевидным: источником озона являются короткие замыкания, возникающие при горении кабелей. Позже, при осмотре ТГ-7 со стороны ТГ-6 я ощутил усиление запаха озона, но допустить мысль о том, что это результат радиационной ионизации атмосферы не мог, так как не знал о реальной мощности дозы гамма-излучения.

В машинном зале на отм. +12.0 увидел только троих: Бусыгина, Перчука и Корнеева, который доложил, что из генератора ТГ-8 идет вытеснение водорода. С Перчуком я поделился своими опасениями о связи очагов горения в машинном зале с обломками, выпавшими на кровлю, так как необходимо было решить, включать систему пожаротушения кровли или нет. С одной стороны, ее хотелось включить для орошения кровли, несмотря на отсутствие внешних признаков горения, с другой стороны, при частично разрушенной кровле над шкафами электрических сборок по ряду «Б» потоки воли попали бы на эти сборки и могли вызвать их замыкание и возгорание со всеми вытекающими из этого последствиями. Перчук сомнения мои развеял. Он доложил, что на кровле машинного зала уже побывал, и никаких возгораний там нет.

Позже при разговоре с очевидцами мне сообщили, что горела крыша реактивного отделения, а не машинного зала. Тем не менее, до ухода с IV блока при периодических осмотрах машинного зала в доступных местах я производил осмотр на отсутствие новых очагов возгорания, их больше не было.

Третий, кого я увидел последний раз в машинном зале из работников смены, был Бусыгин. Он сообщил мне, что получил распоряжение из БЩУ-4: отсечь левую группу деаэраторов от правой, чтобы предотвратить дальнейшую утечку питательной воды через поврежденный всасывающий трубопровод насоса 4ПН-2 и тем самым обеспечить подачу воли на охлаждение реактора. Он отправился на деаэрационную этажерку выполнять команду, а я вернулся на БЩУ-4. Люди там были сильно возбуждены, делились информацией по результатам обходов, некоторые собрались вокруг стола и пили для профилактики от поражения щитовидной железы спиртовой раствор иодовой настойки, разбавляя его водой из чайника. Дятлов с трудом приготовил раствор, так как руки его не слушались, и выпил. Я от предложения отказался, так как у нас в машинном зале 111 блока в оборудованном месте имелся для персонала турбинного цеха специальный запас средств индивидуальной защиты, и побежал туда через БЩУ III энергоблока.

На БЩУ-3 застал сидящего на полу Бражника и взял его с собой. Запросил начальника смены III блока Юрия Эдуардовича Багдасарова данные о радиационной обстановке. Он сообщил, что на БЩУ-3 около 100 мкР/с, в воздухе радиоактивные аэрозоли, необходимо надеть для защиты дыхания респираторы «Лепесток», Шкаф в помещении дежурного слесаря, где хранились средства индивидуальной защиты был закрыт на замок, ключи от которого, как положено, хранились в помещении старшего машиниста. Однако вход в него остался под завалом, Я попросил Бражника сломать замок, что было сделано двумя

мощными ударами монтировкой. Он забрал с собой около 15 комплектов респираторов и флакончиков с порошком йодистого калия и по моей просьбе пошел раздавать их турбинистам. Я спустился на отм. 0,0 машинного зала в ячейке ТГ-6 и промыл горло восходящим фонтанчиком питьевой воды, так как в горле першило и пересохло, выпил йодный раствор. Через некоторое время почувствовал тошноту, однако, воспринял ее как реакцию на прием йодистого калия. Хотя и были определенные познания, что при лучевом поражении тошнота и рвота бывают первичной реакцией организма на переоблучение, в это верить не хотелось.

Обратно побежал на IV блок через БЩУ-3. Усилилось ощущение усталости, тошнота не проходила, повторялись рвотные спазмы, но рвоты не было, так как желудок давно уже был пуст. Нарастающую усталость и слабость в ногах я воспринял как состояние, адекватное той нагрузке, которую перенес за предшествующие сутки, так как с 24 апреля был на ногах, если не считать 4 ч отдыха 25 апреля. В коридоре на пути к БЩУ я получил распоряжение от Дятлова: отыскать в машинном зале переносные погружные насосы «ГНОМ», чтобы с персоналом химического цеха установить их для откачки воды, поступающей в помещение насосов подпитки III и IV блоков (НППР). В машинном зале в установленном месте я нашел в сохранности два насоса «ГНОМ*» и доложил об этом Дятлову. Эти насосы в помещение насосной чистой конденсата транспортированы не были, так как Дятлов и начальник смены III блока Багдасаров (обсуждение происходило в моем присутствии), опасаясь отказа насосной группы НППР в результате затопления (что могло привести к тяжелой аварии III блока), приняли решение заглушить III блок. В этот момент я находился возле старшего инженера управления турбинами III блока Леонида Корчезова и помогал ему за пультом в операциях при форсированной разгрузке III блока. На БЩУ-3 начальник смены блока Багдасаров сообщил мне, что на деаэрационной этажерке и теплофикационной установке сработала сигнализация о повышении радиоактивности, и он дал распоряжение машинистам-обходчикам Бахрушиной и Гора удалиться в сторону I очереди. Я подумал, что речь идет о срабатывании автоматической сигнализации, о повышении активности сетевой воды, подаваемой на отопление домов Припяти из теплофикационной установки. Эта мысль буквально подстегнула меня: «Неужели гоним активную воду в город?» Я бегом поднялся на деаэрационную этажерку, оттуда на теплофикационную установку. Только добежав до помещения машиниста теплофикационной установки, я вспомнил, что накануне остановка IV блока давал задание на переключение тепловых отборов от IV блока на III. Поскольку эти переключения были выполнены, попадания активности в горячую воду, подаваемую в город, быть не должно. Багдасаров рассеял мои сомнения: оказывается, речь шла о срабатывании световой сигнализации от гамма-датчиков в помещениях, а не в сетевой воде.

Поняв ситуацию, и поэтому, несколько успокоившись, я позволил себе сесть за стол машиниста теплофикационной установки и расслабиться; пожалуй, это было единственное место, где было безлюдно, чисто и тихо. Однако усидеть более минуты было невозможно. Спустившись из теплофикационной установки в машинный зал, я увидел группу людей, направлявшихся на улицу через ворота в сторону административно-бытового корпуса. Там с наружной стороны ворот собралось человек двадцать, были среди них и работники турбинного цеха, в частности, помню Вершинина. Машинист-обходчик теплофикационной установки Ольга Гора объяснила мне, что было распоряжение начальника смены станции Бориса Рогожкина собраться тут. В это время на улице еще было темно, и было видно, как над центральным залом клубами поднимается

пар. Выразив сожаление о том, что, наверное, это не самое лучшее место для сбора, я направился обратно. На пути к БЩУ-4 встретил двух работников Харьковского турбинного завода в респираторах, по отм. +9 они направлялись на I очередь. Увидел еще раз в коридоре Дятлова. Задержавшись и спросив меня в надежде узнать что-то новое, он отправился в сторону III блока.

Между БЩУ-3 и БЩУ-4 я встретил начальника смены реакторного цеха Валерия Перевозченко. В ответ на мои вопросы он кратко сообщил, что имеются большие повреждения помещений и разрушение части оборудования по реакторному цеху. Мокрый и усталый он извинился и поспешил дальше. В следующий и последний раз Валерия Перевозченко я видел в палате Московской клинической больницы № 6 в мае. С начальником смены реакторного цеха Владимиром Шкурке мы решили зайти к нему и поздравить с днем рождения. Он к этому времени уже не вставал, был слаб, нос и уши для уменьшения кровотечения были заложены ватой, но разговаривал он охотно. Мы разорвали пакет фруктового сока, выпили за его выздоровление и всячески стремились убедить его в том, что он обязательно выздоровеет. На это он ответил, что вряд ли уже поднимется: «Я знаю, что это такое». Видимо, он реально оценивал тяжесть своего положения.

Через неделю, когда мое состояние резко ухудшилось, ко мне вошел лечащий врач Сергей Филиппович Северин и сообщил о своем решении перевести меня в другую палату, где созданы стерильные условия, назвав номер палаты, где лежал Валерий. Я все понял, но тем не менее спросил: «А что с Перевозченко?» Северин уклонился от ответа, но при этом произнес слова, которые для меня, лежавшего без сил в одиночной палате, с выпавшими волосами и уже знавшего, как умирают наши товарищи, были самыми нужными. Он сказал: «Да, ты заболел, тебе еще, возможно, некоторое время будет похуже: полностью выпадут волосы, будут кровотечения из носа, слабость будет нарастать, но это такая болезнь, ею надо переболеть. Но дальше будет легче, особенно после переливания крови. Я тебя вытащу, это я делаю не первый раз». Эти слова были для меня самым действенным лекарством и стимулом к выздоровлению. После этого меня перевели в палату, где умер Валерий Перевозченко. Северин свое слово сдержал — читатель тому свидетель.

На БЩУ-4 находились Акимов, старшие инженеры управления блоком и реактором Столярчук, Топтунов. Начальник смены станции Рогожкин, тоже находившийся здесь, спросил меня, нужно ли что-либо делать в машинном зале. Я ответил, что в части оборудования турбинной установки в машинном зале больше дел нет, необходимости держать персонал цеха на IV блоке тоже нет. Бусыгин, спустившись с деаэрационной этажерки, доложил, что выполнить распоряжение по отсечению групп деаэраторов они не смогли из-за разрушений дистанционных приводов, он также сообщил, что отправил Бражника и Перчука в медпункт АБК-1 из-за их болезненного состояния (рвота, судороги). Остальной персонал находился на улице перед АБК-2 и на III блоке.

Мне нужно было обо всем случившемся позвонить в город, однако, связь из БЩУ-4 в город не работала, и я направился на БЩУ-3. На выходе из БЩУ-4 увидел начальника пожарной части Леонида Петровича Телятникова, стоявшего с двумя пожарниками у дверей резервного пульта управления IV блока. Телятников направился в сторону I очереди; я зашел в санузел напротив БЩУ-3, так как периодически подступала тошнота и рвота, надо было умыться, но воды уже не было. Здесь увидел заместителя начальника электроцеха Александра Григорьевича Лелеченко (умер от острой лучевой болезни). На вопрос, почему он тут находится в такой плохой в радиационном отношении обстановке и

не уходит, он ответил, что есть еще производственные дела, которые необходимо сделать. Из БЩУ-3 набрал домашний номер начальника турбинного цеха Леонида Андреевича Хоронжука, кратко доложил обстановку, на что последовал ответ: «Понял, выезжаю». Следующий звонок — заместителю начальника турбинного цеха по ремонту Александру Адамовичу Кавунцу, я его попросил выехать на станцию с аварийной бригадой ремонтников, далее позвонил старшему инженеру по эксплуатации турбинного цеха Алексею Владимировичу Рысину.

Здесь же на БЩУ-3 я получил сообщение, что на дизель-электростанции после взрыва на блоке произошла разгерметизация топливопровода одного из дизелей, и дизельное топливо вылилось в машинный зал. Для предупреждения пожара дизелист II очереди с подошедшим на помощь дизелистом I очереди организовали сбор и откачку около одного кубического метра топлива, возгорания не было. Я еще раз выбежал в машинный зал. Возгораний новых не было, течь питательной воды сильно уменьшилась, струей вода не била. Из пролома кровли в машинный зал полупрозрачным столбом опускалась темно-черная пыль, я не мог тогда понять, что это был реакторный графит. То, что это был графит разрушенного реактора, стало известно утром. На БЩУ-4 встретил прибывшую на станцию группу работников: начальника реакторного цеха № 1 Владимира Александровича Чугунова, заместителя главного инженера Анатолия Андреевича Ситникова, заместителя начальника реакторного цеха Владимира Орлова. Они активно обсуждали ситуацию, строили план действий.

Около 5 ч утра приехали на БЩУ-3 А. А. Кавунец и А. В. Рысин. Кавунец спросил: «Что нужно делать? Я ему сказал, что произошла авария на блоке с разрушением кровли машинного зала и пока ничего сделать невозможно, тем более, что радиационная обстановка не позволяет вести ремонтные работы. Решили аварийную ремонтную бригаду на IV блок не пускать и разместить в мастерской III блока. Тем не менее, Кавунец настоял, чтобы мы с Бусыгиным показали ему и мастеру Александру Тимченко привод задвижки на всасывающем трубопроводе 4ПН-2 для оценки возможности его ремонта. Привод был поврежден падающим куском железобетона и быстрому ремонту не подлежал, и мы ушли. На обратном пути через БЩУ-4 я задержался возле начальника смены IV блока Акимова. Смену Саша принял 25 апреля в 16 ч в тяжелой обстановке, что бывает нередко при неустоявшихся, переходных или пусковых режимах: народу на БЩУ много, режим неустойчивый, операторы перегружены, при этом необходимо успеть изучить оперативный журнал, полностью овладеть ситуацией, прочесть сменные задания и программы. Сразу после приема смены Дятлов начал требовать продолжения выполнения программы. Когда Акимов присел на стул, чтобы эту программу изучить, начал упрекать его в медлительности и в том, что он не обращает внимания на сложность ситуации, создавшейся на блоке. Дятлов окриком поднял Акимова с места и начал его торопить. Акимов, держа в руках ворох листов (видимо, это была программа), начал обходить операторов БЩУ и выяснять соответствие состояния оборудования выполняемой программе. Поскольку на малой мощности реактора старшему инженеру управления блоком работать за пультом тяжело, при выполнении некоторых операций Акимов помогал работать оператору по блоку Столярчуку (некоторые операции выполнялись на неоперативных панелях БЩУ). Акимов с первых минут аварии пытался овладеть ситуацией, управлять течением событий. Перед моим последним уходом из БЩУ-4 он сказал мне сокрушенно, что воды в барабанах-сепараторах нет, реактор не управляется, что хуже некуда. Я посетил его в палате клинической больницы в день его рождения.

Находясь в тяжелом состоянии в результате большой дозы облучения (100% ожогов кожи), он, тем не менее, интересовался последними сведениями о причинах аварии и заверил меня, что если вылечится, будет заниматься охотой, станет егерем. Он умер, так и не узнав причин случившейся аварии.

Как только я вернулся на БЩУ-3, мне сообщили, чтобы я позвонил в бомбоубежище! очереди Хоронжуку, что я и сделал. К этому времени сил на то, чтобы что-то еще делать, уже не было, я проинформировал о ситуации в машинном зале Рысина и отправился в свой кабинет на АБК-2. Начались изнурительная рвота, слюнотечение и мучительные спазмы. Из кабинета позвонил еще раз Хоронжуку, сообщил о своем состоянии. Он сказал мне, чтобы я отправился в медпункт АБК-1. Покидая АБК-2, по пути осмотрел вход в бомбоубежище № 2, входная дверь его была заперта на замок. Проходя внутренним двором, возле АБК-1 увидел большое скопление пожарных машин, прибывших из других населенных пунктов, кабины были пусты. В медпункте меня встретил цеховой терапевт Галина Ивановна Навойчик. «И вы тоже здесь?» - спросила она меня сочувственно и тут же начала осматривать. После первичного осмотра из медпункта меня, Юрия Трегуба, Игоря Киршенбаума на машине «скорой помощи» в 6 ч утра доставили в стационар медико-санитарной части МСЧ-126. На следующий день, т. е. 27 апреля, нас самолетом отправили в Москву в клиническую больницу № 6 Министерства здравоохранения СССР. Персонал станции остался работать на эксплуатации трех энергоблоков и ликвидации последствий аварии на IV энергоблоке. Многие мои сотрудники и товарищи по работе, которые остались работать на ЧАЭС после аварии, продолжают работать там на эксплуатации оставшихся энергоблоков и обслуживании инженерных систем 4 энергоблока по сегодняшний день.

Завершая хронику ночи 26 апреля 1986 г., я хочу поблагодарить врачей, медсестер, нянечек 6-й клинической больницы Москвы и наших жен, которые нас лечили и многих вылечили, выходили, вселили в нас уверенность, вернули нас к нормальной жизни, к семьям и к посильному созидательному труду.

Мы все благодарны тем, чьи действия в эту ночь позволили уменьшить масштабы аварии. Ведь именно в те первые часы было слито более 100 т машинного масла в подземные емкости и исключено его возгорание, отключено представлявшее опасность оборудование, снято напряжение с поврежденных электроустановок, исключена возможность взрыва водорода в результате его истечения из генераторов, потушены возгорания внутри машинного зала; проводились поиски людей, и оказывалась помощь пострадавшим, велись радиационная разведка и оценка состояния оборудования, зданий, реактора, предпринимались самоотверженные попытки осуществить теплоотвод от активной зоны. Для тех, кто работал в эту ночь, это была последняя смена. Из 12 человек персонала турбинного цеха и наладчиков Харьковского турбинного завода, работавших в ночь на 26 апреля 1986 г., умерли от острой лучевой болезни 8 человек. Вечная им память

Автор:

Р. Давлетбаев

[http://pripyat.com/people-and-fates/r-i-davletbaev-zam-nachalnika-turbinnogo-tsekha-2-
chernobylskoi-aes.html](http://pripyat.com/people-and-fates/r-i-davletbaev-zam-nachalnika-turbinnogo-tsekha-2-chernobylskoi-aes.html)